

Гермиона выпрыгнула из машины, как только она вздрогнула и остановилась на подъездной дорожке, ворвавшись в дом, она даже не остановилась, чтобы повесить пальто, спеша в свою спальню. Пять минут спустя Гермиона уже сидела на своей кровати, скрестив ноги, с раскрытой книгой на коленях. Она открыла страницы на первой главе и начала читать.

Гарри Джеймс Поттер. Глава Один. Годы моего становления.

Прежде чем мы начнем рассказ о моей жизни, позвольте мне сказать, что мне потребовалось очень много времени, чтобы решиться включить эту часть моей истории, это часть моей жизни, которую я никогда не разглашал раньше, ни вам, ни кому-либо еще. Мое окончательное решение добавить это было для того, чтобы в будущем у вас было представление о том, почему я временами становлюсь таким капризным. Правда в том, что в то время я не знал, как годы моего становления повлияли на меня. История моих первых одиннадцати лет не из приятных, так что можете, если хотите, пропустить эту главу и перейти к следующей. Годы в Хогвартсе были ненамного лучше, если не считать того факта, что ты присматривал за мной большую часть времени, когда я не был заключенным на Тисовой улице.

Я родился у своих родителей Джеймса и Лили Поттер в деревне Годрикс Холлоу 31 июля 1980 года. В канун Хэллоуина, сразу после моего первого дня рождения, оба моих родителя были убиты эгоистичным маньяком (вы узнаете о нем больше по ходу дела). В ту же ночь Волдеморт (так его зовут) тоже пытался убить меня, но теперь, к счастью, я могу сказать, что ему это не удалось.

В час ночи меня обнаружил слегка раненый великан по имени Рубеус Хагрид; более известный всем как Хагрид.

Хагрид доставил меня к директору Школы чародейства и волшебства Хогвартс, а тот, в свою очередь, оставил меня на пороге дома номер четыре по Тисовой улице, Литтл Уингинг. Это был порог моих тети и дяди (место моего заточения). Я был завернут в одеяло вместе с письмом, в котором рассказывалось о случившемся и просило их, как моих последних живых родственников, позаботиться обо мне.

Мои тетя и дядя, Петунья и Вернон Дурсли, приняли меня; Я думаю, что это было из-за страха перед Дамблдором (директором), потому что они ненавидели сам мой вид...

Гермиона продолжала читать, читая обо всех избиениях и голодании, о рабском обращении, которому Гарри Поттер подвергался все свои молодые годы со своими тетей и дядей и их противным избалованным сыном Дадли.

Полтора часа спустя Хелен Грейнджер нашла свою дочь сидящей в своей комнате и плачущей, рыдания, которые исходили от молодой девушки, разрывали сердце Хелен. Обняв Гермиону, она спросила, что ее так расстроило. Все, что Гермиона смогла сделать, это сбивчиво попросить мать дать ей немного времени, и она пообещала рассказать ей обо всем за ужином.

Не очень довольная вещами, Хелен оставила свою дочь, как просила, только для того, чтобы спуститься по лестнице и побеспокоиться о Гермионе. Прошло пятнадцать минут, прежде чем

Гермиона смогла заставить себя закончить первую главу.

Последние несколько строк, которые она прочитала, заставили Гермиону задуматься и пробудили в ней всю удивительную смелость, которая у нее была.

«У меня не очень хорошие воспоминания о сентябре 1989 года, когда вам исполнилось десять лет. Это был месяц, когда Вернон сломал мне ребра и руку. Помню, с начала второй недели меня заперли в чулане под лестницей, потому что боль, которую я испытывал, заставляла меня плакать и действовала ему на нервы. Конец этого месяца был единственным разом в моей жизни, когда я когда-либо обращался к врачу, и он был исключен или как там это называется. Очевидно, началась инфекция, и в моем голодном состоянии я не мог с ней бороться. Я снова был очень близок к смерти в том году», — в последних параграфах рассказывалось о его письме из Хогвартса и обо всем, что произошло до того, как он сел в поезд, чтобы начать свой первый семестр в качестве студента в школе.

Гермиона листала книгу, ее глаза быстро просматривали страницы; она надеялась, что сможет найти заклинание, которое сделает то, что она задумала.

Она была на полпути к книге, когда наконец нашла то, что искала, она несколько раз попрактиковалась в движении жезла, затем, вспомнив заклинание, вернулась к первой главе и тщательно воспроизвела каждую отдельную страницу главы. Затем она снова спрятала книгу под своим нижним бельем в нижнем ящике.

Она только что закрыла ящик комода, когда ее мать постучала в дверь и объявила, что ужин готов. Гермиона поспешила открыть дверь, пока ее мать не спустилась вниз по лестнице. То, что она собиралась сделать, ей придется сделать здесь, в своей спальне.

«Мама, ты можешь позвонить папе, мне нужно тебе кое-что показать», — сказала она, по ее щекам все еще текли слезы, ей было больно за маленького мальчика, который был заперт в темном шкафу под лестницей, у него были сломаны ребра и рука. сломанный.

Как только оба ее родителя вошли в комнату, Гермиона нервно попросила их сесть, зная, что их маленькая девочка почему-то болит и, вероятно, собирается рассказать им об этом, Хелен и Ричард Грейнджер сели на кровать.

Гермиона глубоко вздохнула и посмотрела родителям в глаза.

— Мама, папа, я ведьма. Настоящая живая волшебная ведьма, прежде чем вы что-нибудь скажете или подумаете, что я говорю о детской фантазии. Я хочу вам кое-что показать, — еще раз глубоко вздохнув и слегка встряхнув Гермиону. снова открыла дверцу своего шкафа, затем, направив палочку на себя, она еще раз произнесла заклинание, чтобы уменьшить зубы, на этот раз она смотрела, как они уменьшаются, пока они не стали совершенно прямыми и ровными, прежде чем она сказала «конечно».

Повернувшись к обеспокоенно выглядевшим родителям, она одарила их слезящейся, но широкой, хотя и явно натянутой улыбкой, показав им идеальный набор зубов. Когда ее мать и

отец ахнули, она сделала несколько шагов к своему столу, взяла плащ со спинки стула и быстро исчезла под плащом; два громких вдоха вырвались у ее родителей.

«Я в порядке», — сказала она, подойдя и встав прямо перед ними, прежде чем снять плащ, заставив их обоих немного отскочить назад, когда она сняла его.

"Твои зубы ты колдовал?" — сказал ее отец, протягивая руку и ощупывая материал плаща.

«Да, пап, именно поэтому я отличаюсь от всех других девочек в школе, вот почему вокруг меня происходят все эти странные вещи», — ответила она, собирая свою угасающую смелость, было еще кое-что, что нужно было сделать.

Еще раз глубоко вздохнув, Гермиона посмотрела на своего отца: «Папа, я хочу, чтобы ты похитил маленького мальчика для меня», — она подняла руку, когда у ее отца вот-вот должен был случиться сердечный приступ или что-то в этом роде, — мне нужно, чтобы вы оба прочитали вот это, — сказала она, протягивая матери репродукции пергаментных страниц.

«Это не может быть правдой», — сказал ее отец, закончив чтение.

«Кто мог сделать такое с ребенком?» Хелен сказала, что по ее лицу медленно стекали слезы: «Где ты это взял? Кто тебе это дал?»

«Это был тот же человек, который научил меня заклинанию, тот, кто показал мне, что я волшебник, тот, кто дал мне плащ. Даже если ты не веришь, ты должен отвести меня туда, чтобы убедиться, как мог мы живем с этим, если это правда?» — сказала Гермиона, перестав плакать.

«Гермиона, милая, ты больше похожа на взрослого, чем большинство взрослых, которых я знаю, — сказала Хелен, обнимая свою дочь, — ты, конечно, права, мы должны пойти и проверить это».

«Мы не можем похитить маленького мальчика, даже если мы его найдем. Я имею в виду, что должны быть другие способы. Честное похищение, Гермиона, я не знаю, о чем ты думала», — сказал ее отец скорее себе, чем ей. их.

Гермиона уже все обдумала. — Мы уже знаем, где он, в шкафу под лестницей, если мама пойдет в рабочей одежде, она сможет отвлечь тетю и дядю, пока ты прокрадешься под плащ и заберешь его.

Ричард улыбнулся, его дочь будет очень занята мужчиной, на котором она в конце концов выйдет замуж, подумал он, глядя на часы. — Гермиона, дорогая, позволь мне взглянуть на эту палку, — сказал Ричард, когда в его голове сформулировался план, который, по его мнению, был немного лучше, чем прокрасться в дом и попытаться выскользнуть обратно с похищенным

больным маленьким мальчиком.

Заметив довольно встревоженный взгляд Гермионы, он мягко улыбнулся ей. «Не волнуйся, милая, я не собираюсь его конфисковывать, у меня есть идея, и мне просто нужно сначала кое-что проверить, просто чтобы убедиться, что я в безопасности», — сказал он, протягивая руку. .

Гермиона вручила папе палочку, затем он встал и начал размахивать палочкой, указывая на предметы и говоря: «Адаб ара кадаб ара».

Гермиона не смогла сдержать тихий смешок, когда поняла, что пытается сделать ее отец, и у него даже не было правильных детских словечек. Взяв ручку со стола и положив ее на кровать, она попросила у папы вернуть палочку и быстрым движением воспроизвела ручку. Затем она провела несколько минут, обучая своего отца тому же заклинанию, но, как и ожидалось, когда он попробовал это, абсолютно ничего не произошло.

«Хорошо, теперь мы знаем, что мне нужно это одолжить», — сказал он, выходя из комнаты. Всего через несколько секунд он снова просунул голову в дверной проем, в руке у него было два чистых одеяла. «Ну, вы двое идете? О, и Гермиона принесет этот плащ, никогда не знаешь».

Их ужин все еще стоял на столе, семья Грейнджер выехала с подъездной дорожки и направилась в Литл-Вининг. Хорошо зная этот район, вскоре они прибыли в район среднего класса, и два мальчика указали им дорогу на Тисовую улицу.

В восемь сорок пять Ричард Грейнджер позвонил в дверь дома номер четыре. Дверь открыл чрезвычайно тучный мальчик. — Твой отец дома? — спросил Ричард так вежливо, как только мог. Он не мог не думать, что по крайней мере описание кузена, написанное на пергаменте, было точным.

Ричард еще раз повторил свой план, притворившись волшебником, он заставит этого дядю показать мальчикам, где они, а затем, если мальчик действительно выглядит плохо, он накроет его одеялами, чтобы согреться, а затем позвоните в местную полицию по телефону дяди, мальчик получит необходимое ему лечение, а дядя и тетя будут арестованы, это было просто и без риска.

Толстяк поковылял по коридору за отцом. Пока он ждал у входной двери, Ричард заметил шкаф под лестницей, точнее, он заметил на нем замки. Замки, которых в обычном домашнем хозяйстве не найти на шкафу.

Вернон Дурсль вышел из гостиной, громко жалуясь на то, что его побеспокоили. Когда он увидел Ричарда, который, по мнению Вернона, был равен ему самому, судя по одежде, которую он носил. Он перестал жаловаться и улыбнулся, его пороссячьи глазки стали похожи на две щелочки.

Ричард не колебался; он вытащил палочку Гермионы и направил ее на толстяка. "Где он, где мальчик?"

Ричард сразу понял, что Вернон уже видел волшебную палочку, потому что он смертельно побледнел, когда его худая жена с лошадиным лицом вышла из гостиной. Она тоже смертельно побледнела, когда посмотрела на палочку. Ричард ткнул в огромный живот человека, сжавшегося перед ним.

"Что ж?" — угрожающе прошипел он.

Вернон указал дрожащим пальцем на шкаф и кивнул головой.

Ричард направил палочку на Петунию. — Ты! Возьми мальчика, и тебе лучше быть с ним помягче. Он немного отступил назад, давая ей возможность открыть дверь.

Даже когда она потянулась к последнему замку и открыла дверь, Ричард все еще не мог поверить, что мальчик действительно был в шкафу. Петуния медленно вышла из шкафа с телом очень истощенного и больного маленького мальчика с черными как смоль волосами.

Ричард бросил взгляд на Гарри, и все мысли о том, чтобы позвонить в полицию, чтобы они разобрались со всем, покинули его голову. Все, о чем он мог думать, это то, что он должен увести мальчика и держать его подальше от мерзкого куска человечества перед ним.

Состояние маленького мальчика было далеко за пределами всего, что Ричард мог себе представить. Запах от мальчика вызвал у него рвотные позывы, и он почувствовал, как его желудок перевернулся, вынув плащ, он положил его на пол, а поверх него положил одеяло.

«Вы, злые ублюдки, — рявкнул он на Дурслей, — уложите мальчика».

Петуния уложила Гарри у ног Ричарда. — Вы никому не расскажете об этом, если хотите не попасть в тюрьму, вы, пара... — сказал Ричард, добавив несколько отборных слов, по-настоящему ругаясь впервые за много-много лет. «Сейчас вы оба заберитесь в этот шкаф».

Вернон выглядел так, как будто Ричард сошел с ума, пока он не взмахнул палочкой перед носом толстяка с угрожающим жестом: «Я всегда могу превратить тебя в свинью; ты достаточно толстый и достаточно уродливый, чтобы быть хорошей свиньей».

Вернон толкнул Петунию к шкафу, а сам втиснулся в оставшееся пространство. Ричард заставил дверь закрыться, прижимая толстый зад, который остался торчать, повернул замок, а затем, взяв довольно тяжелый дверной ограничитель, выбил ручку последнего из трех замков.

Закутав Гарри в плащ, Ричард пошел по дороге к тому месту, где он припарковал машину. При его приближении из окон высунулись две довольно встревоженные головы. Гарри был таким

легким, что ни Хелен, ни Гермиона не могли сказать, что Ричард легко держал мальчика одной рукой, положив голову на плечо Ричарда.

— Открой дверь, любовь моя, Гермиона, — сказал он, подойдя к ним, осторожно усадил Гарри на сиденье рядом с дочерью, а затем плотнее закутался в одеяло. Несмотря на то, что от него ужасно пахло, Гермиона всю дорогу баюкала голову Гарри у себя на коленях, пока они ехали домой.

— Папочка, ты действительно его заполучил, — сказала Гермиона, баюкая голову мальчика у себя на коленях.

«Ну, я просто собирался проверить его, убедиться, что с ним все в порядке. Я не мог поверить, что он был заперт в шкафу, но именно там он был. Я взглянул на него и понял, что не могу». с чистой совестью просто оставь его там, — сказал Ричард, понимая чудовищность того, что он только что сделал.

Ричард, который провел два года в качестве студента-медика, прежде чем перейти на более короткий курс стоматологии, чтобы быть с Хелен, проверил Гарри, пока Хелен плакала, очень осторожно умывая мальчика теплой водой. От него пахло потом, мочой и рвотой, но температура была слишком высокой, чтобы его можно было принять в ванне. Взяв его одежду, она выбросила ее в мусорное ведро в саду за домом.

Ричард осторожно накормил очень больного Гарри напитком с пищевой добавкой с сильным антибиотиком. Судя по тому, что он мог сказать, мальчик находился в таком состоянии по крайней мере неделю, а возможно, и дольше. Почесав затылок, Ричард задумался, как они собираются лечить мальчика от сломанных костей, если они отвезут его в больницу, Гарри, без сомнения, вернется к своим тете и дяде, а он и его жена окажутся в тяжелом положении. целая куча неприятностей для похищения.

И Ричард, и Хелен провели ночь, сидя в комнате для гостей, наблюдая за Гарри, в то время как безвестная для своих родителей Гермиона искала в своей волшебной книге, чтобы узнать, сможет ли она найти что-нибудь, чтобы помочь Гарри.

Было пять утра следующего дня, когда Гермиона вошла в комнату. Она выглядела усталой и немного бледной, когда подошла к кровати, слезы снова потекли, когда она посмотрела на больного и очень слабого мальчика, которого они спасли.

Вынув палочку, она направила ее на руку Гарри и сказала несколько слов, она смотрела, как большой опухший синяк засветился синим, затем начал уменьшаться и исчезать, затем, выровняв дыхание, она направила палочку на его ушибленные и потрескавшиеся ребра и повторила: такая же прелесть.

Ей потребовалась целая ночь, чтобы найти и освоить исцеляющие чары, но она была полна решимости помочь Гарри Джеймсу Поттеру, ведь именно он помог ей.

Улыбающаяся и гордая Хелен Грейнджер наблюдала, как ее дочь восстанавливала сломанные кости Гарри, а затем с легкой улыбкой обняла Гермиону за плечи: «Давай, милая, тебе нужно немного поспать, если ты собираешься присматривать за мальчиком, пока мы иди в офис, — сказала она, ведя Гермиону обратно в свою комнату и в ее кровать.

Гермиону разбудила ее мать в полдень. «Гермиона, не могли бы вы присмотреть за Гарри, мне нужно пойти в офис, чтобы получить рецепт на новые антибиотики от вашего отца», — сказала она, когда Гермиона посмотрела на нее сонными глазами.

Гермиона быстро оделась и уже собиралась пойти в комнату Гарри с книгой, но передумала: если она читала книгу, когда ее мать вернулась, книга могла быть обнаружена, хотя ее родители только накануне вечером нарушили закон и помочь маленькому мальчику, она все еще не хотела, чтобы они знали о книге.

Поэтому вместо книги она собрала свои поздравительные открытки, которые все еще лежали нераспечатанными на столе, они все еще лежали там, где она их положила, когда пришла домой прошлой ночью.

Гермиона села на стул, поставленный рядом с кроватью, где лежал Гарри, совершенно не подозревая, что происходит. Как только она услышала, как закрылась входная дверь, Гермиона немного занервничала, ее никогда раньше не оставляли дома одну, а возложенная на нее обязанность ухаживать за больным была довольно сложной задачей даже для такой умной и умной женщины. какой бы зрелой она ни была, ей было всего десять лет.

Отбросив эти мысли в сторону, она перебрала поздравительные открытки, первой, которую она решила открыть, была та, что была с коробкой, вытащив ее из конверта, она была поражена, увидев двух странно выглядящих маленьких существ, которые действительно говорили и желали ей С днем рождения каждый раз, когда она смотрела на них, открывая открытку, она читала сообщение внутри...

«С десятилетием, Гермиона, пусть все твои желания сбудутся», — вспыхнуло, меняя цвет каждые несколько секунд, понаблюдав несколько секунд за меняющимся приветствием, она обратила внимание на торопливо написанную от руки заметку внизу открытки.

«Дорогая Гермиона, без сомнения, уже слишком поздно поздравлять тебя с днем рождения, я полагаю, что это может быть суббота или даже воскресенье, прежде чем ты прочитаешь эту записку, я почти представляю, как ты сидишь в своей комнате, перебирая все карты, которые у тебя не было. «Не начинай открывать, как только увидишь книгу, которую я тебе дал»

«Хм, сегодня только пятница», — фыркнула она, прежде чем вернуться к записке.

«Не беспокойтесь обо мне девятилетнем, я выздоровею, и мы встретимся лично меньше чем через два года. Очевидно, я не буду знать вас и ничего не знаю о мире магии, так что у вас будет преимущество перед мной и другими учениками, рожденными маглами, но, прежде всего, у вас также будет преимущество перед некоторыми другими учениками. У тебя также

будет преимущество перед судьбой, преимущество, над которым я так неустанно работал столько лет. Я только молюсь о том, чтобы, читая соответствующие главы, вы не забыли предупреждение, которое все это несет. Я доверяю вашему таланту знать, что нужно изменить, я сожалею только о том, что человек, которым я являюсь сейчас, не будет рядом, чтобы увидеть все это, когда вы измените ход истории, и убедитесь, что у нас обоих будет долгая и счастливая совместная жизнь.

Я полагаю, вы задавались вопросом, почему я не дал книгу себе младшему, ответ довольно прост. Мне пришлось доставить книгу лично лично вам или себе. Поскольку встреча с самой собой была бы немного трудной и вполне могла быть катастрофой, я выбрал вас.

Любовь.

Гарри.'

Гермиона посмотрела на мальчика, которого на самом деле не знала, она даже не слышала его голоса и не видела его глаз, все, что она знала сейчас, это то, что он был каким-то особенным. Внезапная мысль пришла ей в голову, когда она смотрела, как он спит.

— Что ж, Гарри Джеймс Поттер, кажется, я уже изменила будущее, — сказала она, убирая челку с его глаз и улыбаясь.

<http://tl.rulate.ru/book/76036/2263113>